

**Письмо Ковалева Михаила Герасимовича,
ветерана ВОВ, наводчика орудия 348 ап,
Яблонскому Виктору Сергеевичу**

Дорогой Виктор Сергеевич!

Прежде всего хотелось бы сказать по поводу книги «Зеленая брама». Я рад, что наш видный поэт впервые сказал правду о войнах, которые не щадя своей жизни, первыми вступили в смертельную схватку с врагом.

И если мы тогда не победили, (хотя очень много сделали для дальнейшей победы) то это не наша вина. Во всяком случае, если говорить о нас, солдатах! История еще назовет не только и не столько виновных за наше поражение, сколько за то, что воинов этого первого периода войны стыдливо забыли... А их ведь было очень-очень много. Мы все благодарны писателю Смирнову за то, что он показал защитников Бреста. А сколько «Брестов» было у нас на пути от Перемышля до Подвысокого! Обидно, ведь это были молодые, хорошо подготовленные воины, беззаветно преданные Родине. Статистика свидетельствует, что этих воинов осталось 2%, а живых теперь осталось и того меньше. Поэтому я всей душой за то, чтобы собрать как можно больше сведений о тех днях, особенно о людях. И не только о генералах, а и о тех простых парнях, у которых, как ты правильно пишешь, не было юности...

Что я помню с той поры? Помню, что я был начальником караула полка. Часов в 14 поступает приказ снять все караулы, и срочно всему полку собраться к выезду, как нам сказали, - к боевым маневрам. Это было, как мне помнится за неделю, а то и раньше, до начала войны. На сборы дано 2 часа, причем предупредили, что сюда обратно мы не придем, и все, что нельзя увезти, привести в состояние длительного хранения. Командир полка Гонтарь в 16 час дал команду, и 348 ап, в том числе в его составе и полковая школа, (капитан Матусевич) на конной тяге двинули на запад. Мы догадывались, что будет война, но открыто нам говорили, что едем на большие маневры. Я не помню хорошо, откуда мы выехали, из Шепетовки или Славуты. Не помню и маршрута нашего движения. Солдат в полку, как матрос на корабле, не особенно интересуется дорогой, его ведут.

Где-то в направлении Львова, но еще далеко до него, нам объявили, что немцы напали на нас. В войну против немцев вступили Англия, Америка. И мы (во всяком случае, я – это точно) проявили большое стремление двигаться быстрее в сторону Германии, чтобы не остаться далеко от поля сражения. Все мы глубоко верили, что воевать будем на территории врага. Первые выстрелы и результаты войны мы увидели в г. Броды, куда мы вошли уже вечером, когда было темно (число не помню). В городе оказалось уже много войск, по ним велась артиллерийская стрельба, горели некоторые дома. Почти до утра мы путались по улицам этого небольшого городишки, а потом вышли, как мне помнится, на ту же автостраду, по которой мы заходили в город. Но вся эта дорога, не менее чем на 10-15 км была усеяна остатками разбитого воинского соединения, много было убитых, раздавленных. Много убитых было в зоне, примыкающей к дороге, в пшенице. Это был результат воздушного налета. Остатков соединения и раненых не было, очевидно, они где-то заняли оборону.

Наша дивизия тоже где-то тут недалеко заняла оборону, ждали танков, но их не было. Потом мы организованно отступили, как нам сказали, на старую границу. Первые жертвы в нашем полку были при выходе из какого-то леса. Я не помню, кого убили, но были близкие люди, и это было тяжело. Здесь ранило капитана Матусевича. Где-то в этом районе по пути на Тернополь был тяжело ранен ст. политрук Ковгун, очень сильно, в живот. Командир нашего взвода л-т Зинченко тоже был ранен, но я его не видел. В этих боях проявил себя командир орудия Ган, говорили, что его представили к ордену Ленина (кажется, его звали Генка). Я хорошо помню этого парня, - очень толковый, скромный, симпатичный, родом он, кажется, из Куйбышева или другого большого города.

Так мы дошли до Тарнополя, много людей (беженцы) шло на восток – старики, женщины, дети. До слез было больно, что мы отходим. В этом городе у нас уже не было никакой связи с соседними соединениями. Я был радист, но своей ПК-6 пользоваться не пришлось. В Тарнополе, куда подошло много войск, был бой, и было страшно много неразберихи. Наши стреляли в основном прямой наводкой или по предполагаемым целям. Мы не всегда знали, где противник, а он нас часто обходил. Иногда занимали круговую оборону. Так мы продвигались на Подволочийск (старая граница). На второй день мы на лошадях добрались до этой границы. Здесь стояли уже штабные машины нашей дивизии, было много войск. Особенно мне запомнилось большое танковое подразделение (соединение), и я впервые увидел большую группу высших генералов. Кажется, среди них был и Жуков.? (это по материалам его книги) «Ну, - думаем, - все! Дальше отступать не будем!»

Я зашел к радистам в АК-5 (рация на машине), поинтересовался положением. Много еще было неясно. Так как мы несколько ночей не спали, то я и многие другие легли спать. Спали часа три, нас разбудили по тревоге. Когда мы проснулись, наш штаб дивизии уже был на ходу, чтобы ехать на Проскуров. Машин других частей и танков уже не было, генералов тоже не было. Мы ехали на тыловых повозках нашего 348 ап. В Проскурове была страшная давка. Прошли его ходом на Винницу. С нами был и сын главного врача Винницкого лечебного заведения душевнобольных (фамилию не помню). Мы встретились – я, он и, кажется, Бурков, заходили к нему домой.

В Виннице стояли дня два на переформировке и пополнении. Здесь я уже встретил многих наших, в том числе Дейкуна. Я был прикомандирован, как радист, в штаб дивизии. В этой должности дошел до Умани. Там меня и Сашу Пичугина назначили снабженцами хлеба. Мы с утра развозили муку по домам, а к обеду или к вечеру забирали испеченный хлеб. Кажется, такая служба была в подчинении дивизии. Эта служба продолжалась несколько дней. Потом мы стали пехотинцами, несколько раз ходили в атаку на занятые немцами села. Очень много нас погибло, оставшиеся снова прибились к своему полку, хотя мне казалось, что у нас были не полки, а дивизия. Я это запомнил это потому, что каждую ночь, когда мы отходили, из грязи толкали машину генерала Тонконогова.

Как мы воевали? - Днем занимали оборону, много стреляли, а ночью отступали, потому что узнавали, что немцы уже где-то впереди. Сейчас у меня такое впечатление, что мы бросались из стороны в сторону. Помню только большие населенные пункты Бердичев, Умань, Христиновка. Потом пошли слухи, что мы будем прорываться на Одессу. Последний наш организованный отход был в село Подвысокое. Помню это хорошо. Пришли мы туда под вечер. Войск в этом селе было много, но, кажется, многие ушли. Это было видно по местам стоянки, особенно техники. Был хороший теплый вечер. Мы отрывали траншеи дотемна, и не зря – немцы стали сильно бомбить село, потом начали обстреливать.

Все поняли, что оставаться здесь уже невозможно, тем более, что боеприпасов уже не было. Кольцо сжималось. Организованно и неорганизованно стали прорываться. Куда, никто не знал. Прорывались в разных направлениях. Мы под утро, но еще в темноте, в составе большой группы из разных частей (около 500 человек) рванули на север через Зеленую брону. Под пулеметным огнем мы подбежали к какому-то селу, на окраине которого стояла немецкая батарея. Немцы бежали, но потом собрались, появилось несколько легких танков, завязалась перестрелка. Наша группа распалась на несколько подгрупп. Мы втроем пробивались дальше в сторону Житомира, Гомеля... Это целая эпопея... В конце концов мы вышли к своим.

Дальше воевал в зенитной артиллерии. Войну закончил в Праге.

Последние дни (1941 г.) видел Михаила Плотникова, видел Бури...? на пути из Подволочийска к Виннице.

После войны демобилизовался в ноябре 1945 г. Поступил в свой институт МЭИЖТ, окончил его в 1951 г., и до 1984 года трудился в народном хозяйстве. Это уже другая тема.

Хотел бы в этом году побывать в Подвысоком, повидать товарищей. Вспомнить гуртом, оно всегда лучше.

Несколько лет назад я с сыном на машине побывал во всех памятных местах. Но все так изменилось, а в памяти многое стерлось...

И все равно было как-то необычно и печально, и торжественно, многое вспомнилось.

02.1985 г.